

Настёна Пчёлкина

Ключ в крови Пустого

Настёна Пчёлкина

Ключ в крови Пустого

Серия «Королевство теней», книга 1

<https://litres.ru/74089066>

SelfPub; 2026

Аннотация

Его стерли из мира. Но мир не смог стереть его.

Кейлин — Пустой. Изгнанник без магии, без имени, без будущего. Его вышвырнули за ворота города, чтобы он сгнил в пустоши среди тварей из разломов.

Но Кейлин видит то, что скрыто от других. Видит потоки украденной энергии. Видит монстров в тенях. И видит, как аристократы торгуют тем, что может уничтожить реальность.

Теперь за ним охотятся все: некромантка с армией мёртвых хочет использовать его как инструмент. Орден Хранителей Слов боится его как угрозу. А тварь из разлома... тварь из разлома считает его своим.

Когда твоя кровь пахнет как дом для монстров, а твой взгляд видит то, что боги хотели скрыть, — выживание становится искусством.

И это делает его опаснее любого мага.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Человек, который не отвечивал	13
Глава 2. Мор	22
Глава 3. Иерархия страха	33
Глава 4. Шёпот	40
Глава 5. Хранительница	49
Глава 6. Мёртвые не лгут	58
Глава 7. Тени на стене	65
Глава 8. Кресло	73
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Ключ в крови Пустого

Пролог

Согласно протоколам ритуала изгнания, первая секунда — самая важная. Именно в этот момент изгнанник либо принимает свою участь, либо ломается. Третьего не дано.

— Из отчёта ритуального мага, не внесённого в официальные хроники

В твоей голове живёт ровно шесть секунд, когда ты веришь, что это ещё можно остановить.

Первая секунда уходит на то, чтобы узнать собственное имя, произнесённое чужим ртом — глашатай выплёвывает его в толпу, и оно больше не твоё. Вторая — чтобы понять: люди вокруг смеются не над кем-то другим. Третья — чтобы вспомнить, как дышать. Четвёртая — чтобы осознать, что никто не придёт. Пятая — чтобы пожалеть об этом. Шестая — чтобы открыть рот и начать говорить.

Кейлин стоял на площади Отречения и не чувствовал холода. Серую рубаху изгнанника, из грубой ткани, пахнущую чужой кожей и страхом, выдали заранее. Он не помнил, как раздевался. Не помнил, как на него натягивали эту руба-

ху. Память услужливо вырезала последние полчаса, оставив только обрывки: чьи-то пальцы, срывающие пряжку ремня, звон упавшего ножа, который он никогда не носил, смех — много смеха, — и холод. Холод он помнил.

Площадь Отречения имела форму чаши. Высокие каменные ступени спускались к круглому помосту, и сегодня чаша была полна — зеваки, аристократы, маги с белыми лицами, торговцы, закрывшие лавки ради зрелища. В первых рядах сидели те, кто это устроил.

Кейлин знал их имена. Он знал их лица. Он когда-то кланялся им на улице и получал в ответ рассеянный кивок.

Теперь они смотрели иначе. Так смотрят на муху, которая ползёт по столу, и ты ещё не решил — прихлопнуть сейчас или подождать, пока она доберётся до края.

Лорд Тайрен — полный, румяный, с перстнями на каждой руке — улыбался. Ему было скучно. Три недели назад Кейлин имел неосторожность во время доставки в поместье заказа своего отца-краснодеревщика случайно увидеть то, чего видеть не следовало: лорд Тайрен, прижимающий к стене молоденькую служанку, её затравленный взгляд, его руку у неё на горле. Кейлин тогда опустил глаза и вышел. Ему казалось, что он всё сделал правильно: не вмешался, не осудил, не рассказал никому. Он думал, что этого достаточно. Он ошибался — лорд Тайрен не любил свидетелей, даже молчаливых.

Рядом с лордом сидел Винсент — третий сын дома Крой-

сов, тощий, с вечно прищуренными глазами и привычкой ломать вещи просто потому, что они ему не принадлежали. Кейлин когда-то учился с ним в одной городской школе для среднего класса — не дружил, нет, но однажды дал списать контрольную по истории магии. Винсент тогда хлопнул его по плечу и назвал «полезным». Теперь Винсент подался вперёд, ожидая, когда начнётся самое интересное.

За их спинами, в тени колоннады, стояли ещё трое или четверо — Кейлин не разглядел, — и их присутствие означало, что это не инициатива двух человек. Это было решение. Согласованное. Оформленное. Утверждённое.

— Говори, — велел глашатай. — Ты знаешь правила. Слово о себе. Правдивое. Без утайки.

Кейлин открыл рот.

Он знал, что должен сказать. Публичное покаяние, унижительное перечисление грехов, мольба о прощении — ритуал требовал правды, и большинство использовало эту правду как последнюю соломинку. Признайся во всём, упади на колени, попроси — и, может быть, боги или люди смилостивятся. Может быть, изгнание будет не вечным. Может быть, тебе позволят вернуться через год, через два, через десять.

Кейлин посмотрел на лорда Тайрена, который всё ещё улыбался.

На Винсента, который подался вперёд.

На толпу, которая ждала слёз.

И понял три вещи.

Первая: никакой правды, которую он сейчас скажет, не будет достаточно. Он уже приговорён. Ритуал — не суд, а декорация.

Вторая: он действительно слаб. Он никогда никому не перечил, никогда не дрался, никогда не отстаивал даже собственное мнение, если оно шло вразрез с чужим. Он — пустое место. И именно поэтому его выбрали. Слабого списать легко.

Третья: если всё кончено, если он уже мёртв в глазах этих людей, — то, может быть, впервые в жизни ему нечего бояться.

Он заговорил.

Голос был тихий, но площадь Отречения строилась так, чтобы даже шёпот с помоста долетал до верхних рядов, — древняя акустическая магия, когда-то служившая для оглашения королевских указов, теперь разносящая признания сломленных.

— Меня звали Кейлин, — сказал он. — Сын Дары и Орена. Внук Эйлин, которая когда-то была из дома Фэрроу, но вышла замуж за простого столяра, и дом Фэрроу вычеркнул её из родословной. Я не маг. Не воин. Не политик. Я — никто.

Толпа затихла. Не из сочувствия — из любопытства. Обычно на этом этапе люди плакали, оправдывались или проклинали. Спокойный голос был чем-то новым.

— Я жил тихо, — продолжил Кейлин. — Я думал, что ес-

ли не делать ничего плохого, то ничего плохого не случится. Я ошибался. Меня списали не за преступление, а за то, что я оказался не в то время не в том месте. И ещё за то, что я никому не рассказал о том, что видел. Я думал, что молчание — это безопасность. Теперь я знаю: молчание — это соучастие. Если ты видишь, как сильный обижает слабого, и молчишь, — ты не нейтрален. Ты — на стороне сильного.

Он перевёл дыхание. Лорд Тайрен перестал улыбаться.

— Я не прошу прощения, — сказал Кейлин. — Мне не за что просить прощения. Я никого не предавал. Я просто боялся. И этот страх был моим единственным преступлением.

Тишина стояла такая, что Кейлин услышал, как на верхнем ряду кто-то уронил монету.

Глашатай кашлянул:

— Достаточно.

— Нет, — сказал Кейлин. — Недостаточно. Я хочу, чтобы они слышали. — Он повернулся к первым рядам. — Вы списали меня не потому, что я опасен. Я никогда не был опасен. Вы списали меня, потому что вам скучно. Потому что вы можете. Потому что этот ритуал — не испытание, а развлечение для тех, кто сидит в первых рядах. И вы это знаете. Вы все это знаете.

Лорд Тайрен поднялся. Не быстро — медленно, как поднимается человек, который не привык, чтобы с ним говорили таким тоном.

— Достаточно, — повторил глашатай. На этот раз в его

голосе был страх.

Ритуальный маг — пожилой, с выцветшими рунами на запястьях и усталым лицом человека, который провёл через этот помост сотни изгнанников, — шагнул вперёд. В его руке была игла. Не обычная — костяная, с рунным остриём.

— Руку, — сказал он. Голос мага был глухим. — Левую.

Кейлин протянул левую руку. Он ожидал, что будет больно. Ожидал, что закричит.

Игла вошла в кожу над запястьем, и боль действительно пришла — но не в руку. Где-то внутри, там, где живут слова, которые ты никогда не произносишь вслух. Руна изгнания выжигала не кожу, она выжигала прошлое: имя, семью, дом, право на существование. Каждая линия, каждый завиток, каждое пересечение — это «нет». Нет, ты не вернёшься. Нет, ты не забудешь. Нет, ты не сын своего отца.

Кейлин стиснул зубы и не закричал.

Когда маг закончил, на запястье горела чёрная руна — свежая, влажная, пульсирующая в такт сердцу. Она была похожа на паука. Или на слово, которое ты почти можешь прочитать, но буквы всё время ускользают.

— Врата, — сказал глашатай.

Толпа расступилась. За помостом, в дальнем конце площади, открывались городские ворота — те самые, через которые Кейлин входил тысячу раз, возвращаясь с отцовских заказов, с ярмарок, с прогулок. Сейчас они выглядели иначе. Чернее. Выше. Как рот, который ждёт, чтобы его накормили.

Он пошёл. Босиком — обувь у него забрали ещё на втором этапе. Каменные плиты были холодными и скользкими от утренней измороси. Шаг. Ещё шаг. Кто-то плюнул ему под ноги. Кто-то бросил огрызок яблока — попал в плечо. Он не обернулся. Обернуться значило получить удар плетью, но дело было не в этом. Он просто не хотел видеть их лиц.

Ворота приближались. За ними была пустошь. За пустошью — разломы. В разломах — твари. Он знал это из детских сказок, из тех самых, в которые перестают верить после двенадцати лет и ритуала открытия магического резерва. Он прошёл этот ритуал вовремя и честно — и забыл всё, что видел в детстве. Забыл тени в углах. Забыл глаза, которые смотрели из-под кровати. Забыл шёпот за левым плечом.

Сейчас он был слеп, как и все взрослые.

Последний шаг. Арка ворот накрыла его тенью. Воздух изменился — стал суше, резче, с привкусом чего-то, что он не мог назвать.

Кейлин перешагнул порог.

Ворота за его спиной закрылись. Тяжёлые створки сомкнулись с глухим стуком. И наступила тишина — не та, что на площади, когда толпа затихает в ожидании, а настоящая тишина. Мёртвая. Пустая. Тишина, в которой слышно только собственное дыхание и далёкий, едва различимый, но неумолимый гул — как будто сама земля стонала где-то глубоко под ногами.

А потом что-то изменилось.

Кейлин замер. Он не понял — почувствовал. Как чувствуют взгляд в спину. Как чувствуют, что в комнате кто-то есть, ещё до того, как увидят.

Тишина перестала быть пустой. Она наполнилась. Чем-то, что дышало. Чем-то, что смотрело.

Он медленно поднял глаза.

В десяти шагах от него, на границе сумерек и лунного света, стояла фигура. Высокая, закутанная в нечто среднее между плащом и собственными крыльями. У неё не было лица — только два больших белёсых глаза без зрачков, отражающие свет молодой луны.

Кейлин должен был закричать. Должен был побежать. Должен был сделать то, что сделал бы любой нормальный человек, впервые увидев тварь — не из детского кошмара, а во плоти, в двадцати шагах от городских ворот.

Но он не сделал ничего.

Потому что он не должен был её видеть.

Он прошёл ритуал ослепления. Он был взрослым. Он не мог видеть тварей. Никто из взрослых не мог.

И тем не менее — она стояла там. И он смотрел на неё. И она смотрела на него.

Тварь склонила голову набок. Медленно, как птица. В этом движении не было угрозы. Скорее — любопытство.

А потом — Кейлин мог бы поклясться, что ему показалось, но нет, не показалось, — она отступила. Не исчезла, не бросилась в атаку. Просто шагнула назад, в тень придорож-

ного камня, и растворилась.

Он остался один. Босой, в серой рубахе изгнанника, с чёрной руной на запястье. За спиной — закрытые ворота. Впереди — пустошь, полная тварей, которых он не должен видеть, но видит.

И с этой минуты Кейлин — бывший никто, бывший сын, бывший свидетель, которого списали за ненужностью, — начал существовать заново.

«Первый закон Пустоши: если ты видишь тварь — значит, ты либо ребёнок, либо уже мертвец. Второй закон: никто не верит ни тем, ни другим».

— Из записей неизвестного Пустого, найденных у восточных ворот

Глава 1. Человек, который не отсвечивал

*Записи городского архива
утверждают, что ритуал взрослого
ослепления стирает не только
память о тварях, но и способность
чувствовать «вкус» ворованной
магии. Для большинства это благо.
Для некоторых — первая ступень к
безумию.*

— *Трактат «О природе забвения», секция
«Космология», ярус минус три*

За месяц до событий на площади Отречения Кейлин уронил молоток.

Это было событие. Не великое, не значительное, но событие — потому что за все годы работы в мастерской отца он ронял молоток ровно дважды. Первый раз — в десять лет, когда пытался забить гвоздь и попал себе по пальцу. Второй — сейчас.

Молоток упал на верстак, с глухим стуком отскочил и замер на груди стружек. Кейлин смотрел на него секунд пять, потом перевёл взгляд на свои руки. Руки не дрожали. Это было странно, потому что внутри всё дрожало — мелко, противно, как натянутая струна, которую кто-то задел локтем.

Отец не обернулся, но его голос прозвучал в тишине мастерской с той особенной, хорошо знакомой интонацией, которая означала: «Я всё вижу, просто жду, когда ты сам заговоришь».

— Ты чего?

— Ничего.

— Молоток уронил.

— Случайно.

Отец хмыкнул и продолжил работать. Он стоял спиной, у большого пресса, и выдавливал из деревянной заготовки что-то, что в будущем должно было стать ножкой стола. Орен-краснодеревщик был человеком простых истин: если сын говорит «ничего», значит, он сам разберётся или оно пройдёт. В случае Кейлина проходило всегда.

Кейлин поднял молоток, положил на место и отошёл к окну. За окном был город.

Он знал этот вид с детства. Узкие улочки, вымощенные серым булыжником, тянулись к рыночной площади, где уже сустились торговцы. Двухэтажные дома с черепичными крышами лепились друг к другу, словно пытаясь согреться в холодном утреннем воздухе. Над ними, вдалеке, возвышались городские стены — массивные, сложенные из тёмного камня, который, казалось, впитывал свет.

Кейлин знал, что стены были не просто каменными. Все знали. В школе рассказывали: древние руны, вырезанные на поверхности, защищают город от тварей, которые бродят за

пределами. Руны питаются субстанцией, которая течёт из глубины земли, из тех самых разломов, что находятся за стенами. Они держат город в безопасности. Они не дают опасным существам войти.

Кейлин смотрел на стены и чувствовал странное, щемящее беспокойство. Он не знал, откуда оно бралось. В школе ему рассказывали о рунах, о том, как они работают, о том, что без них город был бы беззащитен. Но это было просто знание. Сухое, книжное, безликое.

А внутри него, где-то глубоко, жило что-то другое. Смутное ощущение, что он когда-то видел эти стены иначе. Что они выглядели по-другому. Что в них был свет. Или движение. Или что-то ещё, что он не мог вспомнить, как ни старался.

Он попытался ухватить это воспоминание — и не смог. Оно ускользало, как сон после пробуждения. Осталась только пустота. И странное чувство, будто он что-то потерял. Что-то важное, что он должен был помнить, но не помнил.

Кейлин отогнал эту мысль. Такие мысли были опасны. Они вели к вопросам, на которые у него не было ответов.

— Кей! — крикнула с улицы Марта, раскладывая на прилавке свежие булочки. — Ты чего такой бледный? Опять не спал?

— Выспался, — ответил он, открывая окно.

— А выглядишь так, будто тебя ночью призраки за ноги таскали. — Она хохотнула, поправляя передник. — Иди сю-

да, у меня пирожки с капустой только что из печи. Твой отец мне табурет починил, я ему ещё должна.

Кейлин невольно улыбнулся. Марта была из тех людей, с которыми даже ему было легко. Она не ждала от него подвигов, не оценивала его резерв, не смотрела как на пустое место. Она просто торговала пирожками и была рада его видеть.

Он вышел на улицу, и тёплый, пахнущий хлебом и мокрым булыжником воздух ударил в лицо. Он бросил последний взгляд на стены. Они стояли молчаливо и неподвижно, как всегда. Только Кейлину показалось, что сегодня они выглядели чуть темнее, чем обычно. Как будто свет в древних рунах стал чуть слабее.

Он помотал головой, прогоняя странное ощущение, и пошёл к Марте. Она уже протягивала ему пирожок, завёрнутый в чистую тряпицу, и когда он взял его, Марта вдруг быстро сунула ему в ладонь две медные монеты — почти незаметно, как будто случайно.

— Это ещё зачем? — удивился Кейлин.

— На удачу, — она подмигнула. — И не вздумай отдавать. Потрать на что-нибудь приятное. А то выглядишь так, будто весь мир на плечах тащишь.

Кейлин сжал монеты в кулаке. Они были тёплыми, шершавыми, пахли медью и хлебом.

— Спасибо, — сказал он.

— Иди уже, — отмахнулась Марта, — а то отец твой меня

со свету сживёт, если ты опоздаешь с заказом.

Остаток дня прошёл без происшествий.

Он вернулся в мастерскую. Помог отцу отшлифовать столешницу — долгая, монотонная работа, от которой немели пальцы. Потом разбирал старые заготовки в подвале. Потом ужинал.

За ужином мать спросила:

— Ты ходил к целителю?

— Нет.

— Кейлин. У тебя было направление.

— Я потерял.

Мать вздохнула. Она вздыхала так, как вздыхают люди, которые давно перестали ждать перемен и теперь просто отмечают их отсутствие.

Направление к целителю Кейлину выписали месяц назад, после обязательной проверки резерва. Проверки проходили раз в два года у всех, кто прошёл ритуал открытия. Маг-инспектор, сухой старик с белыми пальцами, долго смотрел на показатели, потом снял очки и сказал: «Резерв стабилен. Но мал. Рекомендую консультацию целителя — возможно, у вас блок».

— А что скажет целитель? — спросил отец, не поднимая глаз от тарелки. — Скажет, что у него нет магии? Мы это и без него знаем.

— Орен! — мать стукнула ложкой по столу. — Не говори так. У него есть резерв, просто слабый. Это не значит, что

он бесполезен.

— Я не говорю, что он бесполезен, — спокойно ответил отец. — Я говорю, что тратить деньги на подтверждение того, что мы уже знаем, — глупость. Кейлин не маг. И это не приговор. У него есть руки, голова на плечах и работа, которая кормит.

Кейлин смотрел в тарелку. Он ненавидел этот разговор. Ненавидел, что они говорили о нём так, будто его не было за столом. Ненавидел, что они были правы.

— Я схожу завтра, — сказал он тихо, чтобы прервать тишину.

Мать облегчённо выдохнула. Отец ничего не сказал, но Кейлин видел, как его челюсть сжалась. Это была их семейная динамика: мать пыталась его защитить, отец — закалить. И оба терпели поражение.

Вечером Кейлин сидел на крыльце мастерской.

Солнце садилось за крыши, окрашивая город в оранжевый и серый цвета. Улица пустела. Где-то лаяла собака. Где-то кричали дети — братья Марко и Пол тащили чей-то комод, ругаясь на каждом шагу.

— Эй, Кей! — крикнул Марко, заметив его. — Слышал, ты скоро пойдёшь к Тайренам? Привет от нас лорду передавай. Скажи, что комод мы сделали, но если он ещё раз попросит «усилить ножки», я прибью ему эти ножки к его заднице.

— Заткнись, идиот, — проворчал Пол, дёргая его за ру-

кав. — У людей уши есть.

— Да ладно, он свой. — Марко подмигнул Кейлину, и они потащили комод дальше, оставив его одного.

Кейлин смотрел им вслед и думал о том, что будет делать завтра. Послезавтра. Через год. Через десять лет.

Картинка не складывалась.

Нет, он мог представить себе завтра — завтра будет таким же, как сегодня: мастерская, заказы, улица, Марта с пирожками, мать с шитьём, отец с прессом. Послезавтра — примерно тем же. Через год — тем же, но с небольшими изменениями: может быть, он научится делать что-то новое, может быть, отец доверит ему самостоятельный заказ, может быть, что-то ещё.

Но через десять лет — пустота. Через десять лет он видел только размытый силуэт человека, который всё ещё стоит у окна и смотрит на улицу, а мир проходит мимо.

Это было не страшно. Скорее — тоскливо.

Он подумал: «Наверное, так живут все».

И сам себе не поверил.

Спал он плохо.

Ему снилась школа магии. Та самая, куда он поступил в двенадцать лет, сразу после ритуала открытия резерва и откуда ушёл через полгода. Во сне всё было как наяву: просторный класс, парты с рунными подставками для учебников, наставница — молодая, строгая, в синем плаще с серебряным шитьём, она говорила о природе субстанции, а Кейлин смот-

рел в окно. За окном был внутренний двор, и там тренировались старшие ученики — они метали огненные шары, и шары летели красиво, ровно, как по ниточке.

Наставница вызвала его к доске. Он вышел. В руке у него был мел. Нужно было нарисовать руну источника — базовую, первую, с которой начинается любое заклинание. Он нарисовал. Руна была правильная. Наставница кивнула: «Теперь активируй».

Он поднял руку и попытался пропустить через руны немного субстанции. Резерв отозвался слабо, едва-едва. Мел в руке дрогнул, руна мигнула — и погасла.

Класс молчал. Наставница молчала. Кейлин стоял у доски и чувствовал, как горят уши.

— Садись, — сказала наставница.

Он сел.

Больше его к доске не вызывали.

Через месяц наставница написала письмо его родителям. Длинное, вежливое, с рекомендациями и списком литературы. Смысл письма сводился к одному: «Ваш сын не сможет стать магом. Не тратьте его время и своё серебро. Ему будет лучше в другом месте». Родители прочитали. Мать заплакала — не от разочарования, а от жалости, она видела, как Кейлин расстроен. Отец сказал: «Значит, будешь краснодеревщиком. Это тоже хорошее дело».

Кейлин согласился.

Он вообще легко соглашался. Это был его талант — со-

глашаться с тем, что говорит жизнь, даже когда жизнь говорит: «Ты недостаточен».

Глава 2. Мор

Некроманты и другие маги, не прошедшие ритуал открытия резерва, сохраняют истинное зрение. Они видят тварей, призраков и саму структуру субстанции. Но плата за это зрение — одиночество. Никто не верит тому, кто видит правду.

— Из дневника неизвестного Библиотекаря, изъятого из личного архива

За три недели до событий на площади Отречения Кира убила человека.

Это не было событием. Она убивала людей примерно раз в месяц — иногда чаще, если заказы шли один за другим, иногда реже, если приходилось залечь на дно и ждать, пока утихнут разговоры. Сейчас был не сезон: зима, холода, заказчики предпочитали сидеть по домам и греть руки у каминов, а не марать их о чужую кровь. Но этот заказ она взяла сразу, едва услышав имя цели.

Человек, которого она убила, был магом.

Точнее — бывшим магом. Бывшим членом Ордена. Бывшим Хранителем Слов, который когда-то, лет за десять до того, как Кира впервые взяла в руки нож, предал своих и бежал из Архива, прихватив с собой три запретные рукописи и чужую тайну. Тайна оказалась смертельной — не для него,

для других. С тех пор он жил в бегах, менял лица, имена, города. Сегодня он называл себя Грегором. Кира знала это имя, потому что заказчик заплатил втрое против обычного.

Она встретилась с заказчиком в таверне «Ржавый гвоздь», за столиком у дальней стены, где никто не слышал разговоров.

— Он опасен? — спросила она, когда заказчик — сутулый, нервный, с печатью четвёртого круга на перстне — передавал ей свёрток с задатком.

— Он был опасен десять лет назад. Сейчас — просто напуганный старик с хорошей памятью.

— За что?

— Не твоё дело, — отрезал заказчик. — Твоё дело — сделать так, чтобы он перестал помнить.

— Помнить о чём? — Кира не повысила голос, но в нём появилась та сталь, которая заставляла клиентов пересматривать свои ответы. — Я не люблю работать в тёмную, господин. Если я должна его убить, я хочу знать, что он может сказать перед смертью. У таких, как он, обычно есть прощальные слова.

Заказчик помолчал, изучая её лицо, и понял, что торг неуместен.

— Он украл рукописи, — наконец произнёс он. — О порталах. О других мирах. О том, как открывать двери туда, куда не должны ходить люди. Если он успел расшифровать их до того, как ты его найдёшь, его знание может стать опасным.

В чужих руках. Понимаешь?

— Понимаю, — сказала Кира. — Ты боишься, что он продаст это знание кому-то, кто сможет его использовать в корыстных целях.

— Я боюсь, что он уже это сделал.

Кира забрала свёрток. Развернула уже на улице, под дождём: внутри было имя, адрес, описание внешности и мешочек с золотом. Золото она проверила на зуб — привычка, оставшаяся с первых лет изгнания, когда её пытались обмануть фальшивыми монетами раз пять за сезон. Золото было настоящим.

Что ж. Значит, и смерть будет настоящей.

Выслеживать Грегора пришлось четыре дня.

Он был осторожен — не просто напуган, а именно осторожен, как может быть осторожен человек, который десять лет прятался от Ордена и знает, что Орден не прощает. Он жил на окраине, в съёмной комнате над трактиром, и почти не выходил днём. Еду ему приносили. Письма — редко, и он их сжигал сразу после прочтения. У него была защита: слабые, но хитрые рунные ловушки на окнах и дверях, сигнальные нити, которые рвались от чужого присутствия, и один амулет — старый, библиотечарский, — который начинал нагреваться, если поблизости находился маг с активным резервом.

Всё это Кира вычислила за первые сутки наблюдения. На вторые — нашла способ обойти. На третьи — разработала план. На четвёртые — пришла.

Она вошла в трактир под видом наёмной работницы, которая ищет ночлег. Хозяин, толстый и равнодушный, махнул рукой в сторону лестницы: «Комнаты наверху, но все заняты. Можешь переночевать в общем зале, если заплатишь». Она заплатила. Села в углу, заказала эль — пить не стала, просто держала кружку для виду. Ждала.

В полночь, когда трактир затих, она поднялась наверх.

Ловушки она сняла заранее — ещё вчера, когда Грегор отлучился в уборную. Она тогда проникла в его комнату, нашла узлы рунных нитей и перенастроила их на себя. Теперь они не рвались от её присутствия, а, наоборот, признавали её как часть фона. Маленький фокус, которому её научил когда-то один наставник. Когда-то давно. В другой жизни.

Дверь была не заперта. Грегор сидел у окна, спиной к ней, и читал. Свеча оплывала на столе.

— Я знал, что ты придёшь, — сказал он, не оборачиваясь.

Кира замерла на пороге. Рука сама легла на рукоять ножа.

— Не сегодня, — продолжил Грегор. — Я вообще не знал, что придёшь именно ты. Но я знал, что кто-то придёт. Орден не оставляет долгов.

— Я не из Ордена, — сказала Кира. Грегор обернулся. Ему было лет пятьдесят — по виду, но маги живут дольше, так что могло быть и семьдесят, и девяносто. Лицо изрезано морщинами, как старая кора. Глаза светлые, почти прозрачные, с той особой голубизной, которая бывает у тех, кто слишком долго смотрел в рунные тексты.

— Вижу, — сказал он, разглядывая её. — Ты из Пустых. Изгнанница. И, судя по ауре, некромантка. — Он помолчал. — Давно?

— Что — давно?

— Давно ты убиваешь?

Кира не ответила. Она вошла в комнату и закрыла дверь за собой. Щёлкнула задвижка.

— Мне тебя заказали, — сказала она. — Ты знаешь правила. Всё, что ты скажешь сейчас, ничего не изменит.

— Я знаю правила, — Грегор отложил книгу. — Я сам их писал когда-то. Вернее — не эти правила, но похожие. Орденские. Ты знаешь, что я был Хранителем Слов? Третьего круга. Почти дошёл до четвёртого.

— Знаю.

— Тогда ты знаешь, что я могу предложить тебе больше, чем тот, кто меня заказал. У меня есть информация. Важная. Такая, за которую...

— Мне не нужна информация, — перебила Кира. — Мне нужно выполнить заказ.

— Информация — это тоже оружие.

— Я не воюю.

Грегор посмотрел на неё долгим, изучающим взглядом. Потом усмехнулся.

— Врёшь, — сказал он. — Ты воюешь. Каждый день. Просто твоя война — не с Орденом и не с короной. Твоя война — внутри тебя.

Кира вытащила нож.

Это был хороший нож — узкий, обоюдоострый, с рунной гравировкой на лезвии. Руна была кровавой магии: убитый этим ножом становился призраком, привязанным к убийце. Не просто духом, не просто тенью — полноценным, мыслящим, помнящим призраком. Рабом. Или соратником. В зависимости от того, что выберет хозяйка.

Грегор смотрел на нож без страха. С интересом.

— Красивая работа, — сказал он. — Кровь на лезвии — твоя?

— Моя.

— Значит, ты не просто некромантка. Ты — ритуальная убийца. Таких мало. Я слышал о женщине, которая ходит с армией мёртвых и торгует смертью. Это ты?

— Я, — сказала Кира. — Замолчи.

— Зачем? Я всё равно умру. Дай мне хотя бы поговорить напоследок. Я десять лет ни с кем не говорил по-настоящему. В трактире — только «дайте эля» и «сколько за комнату». Это сводит с ума.

Кира колебалась. Она не привыкла разговаривать с целями. Разговор создаёт связь. Связь мешает убивать. Она усвоила это ещё в первый год, когда цель — молодой парень, почти мальчик, — успел рассказать ей о своей больной матери, и Кира потом три дня не могла есть. С тех пор она убивала молча.

Но этот старик был другим. Он не просил пощады. Не уго-

варивал. Не плакал. Он просто хотел поговорить напоследок.

— Пять минут, — сказала она. — Потом — всё.

— Достаточно. — Грегор кивнул на стул напротив. — Садись. Не бойся, я не нападу. Я давно не нападаю.

Кира не села. Осталась стоять у двери, с ножом в руке.

— Как хочешь. Тогда слушай. — Он подался вперёд, и в его глазах зажёгся огонь — тот самый, который Кира видела у одержимых. — Ты знаешь, что мы не одни?

— В смысле?

— Во вселенной. В реальности. Наш мир — не единственный. Есть другие. Множество других миров, понимаешь? Они существуют параллельно, как страницы в книге. Обычно они не соприкасаются. Но иногда — иногда между ними можно открыть проход.

Кира слушала молча.

— Я посвятил этому двадцать лет, — продолжал Грегор, и голос его креп, набирал силу, как у проповедника. — Я изучал древние тексты, которые Орден прячет в закрытых архивах. Я нашёл описания порталов. Межмировых врат. Это не сказки, не ересь — это реальная магия. Древняя. Забытая. Или, — он усмехнулся, — умышленно забытая. Орден не хочет, чтобы люди знали о других мирах. Потому что если есть другие миры, то есть и другие силы. Другие источники магии. Другие... — он запнулся, подбирая слово, — другие хозяева реальности.

— Ты веришь в это, — сказала Кира.

— Я знаю это! — Его голос сорвался почти на крик. — Я видел карты. Не небесных созвездий — карты реальностей. Я читал отчёты о контактах. Об обменах. О существах, которые приходили из-за грани и уходили обратно. Это всё правда. Абсолютная правда.

— Зачем тебе это?

— Как зачем? — Он посмотрел на неё как на безумную. — Мы заперты в клетке. Мы думаем, что наш мир — это всё. А он — лишь одна комната в огромном доме. Мы даже не знаем, кто ходит по коридорам. Кто открывает двери. Кто заглядывает в окна.

Он замолчал, переводя дыхание. Фанатичный блеск в его глазах чуть угас, сменившись усталостью.

— Орден считает это опасным знанием. Говорят, что простые люди не готовы. Что это вызовет панику. Может, они правы. Но я не мог остановиться. Я должен был знать.

— И поэтому тебя изгнали.

— Да. — Он кивнул. — Я украл рукописи. Не чтобы продать — чтобы изучить. Но Ордену плевать на мотивы. Для них я вор и предатель.

Кира помолчала.

— Твои пять минут истекли.

— Я знаю. — Грегор откинулся на спинку стула. — Я готов. Только одна просьба.

— Какая?

— Когда ты меня убьёшь, оставь меня у себя.

Кира нахмурилась.

— Я знаю, как работает твой нож, — сказал Грегор. — Я изучал некромантию. В теории. Призрак связан с убийцей. Служит ему. Я хочу служить тебе.

— Почему?

— Потому что ты свободна. — Он улыбнулся. — У тебя нет Ордена за спиной. Нет догматов. Нет страха перед знанием. Ты можешь пойти туда, куда я не успел. Узнать то, что я не узнал. А я помогу. У меня здесь, — он постучал пальцем по виску, — карты, тексты, формулы. Двадцать лет исследований. Всё здесь.

Кира смотрела на него. Старик был фанатиком. Но даже фанатик может быть полезен.

— Ты понимаешь, что после смерти не будешь прежним?

— Понимаю. Призрак — тень. Память без чувств. Служба без отдыха. Я готов.

— И ты понимаешь, что не сможешь закончить свои исследования? Ты будешь лишь советником. Инструментом.

— Инструментом, — повторил он с наслаждением, — в руках того, кто, возможно, дойдёт до истины. Этого достаточно.

Кира шагнула вперёд.

— Закрой глаза.

Он закрыл.

Нож вошёл быстро. Три секунды — короткий выдох, осевшее тело, струйка крови на губах. Руна на лезвии засвети-

лась алым.

Дальше было то, что Кира делала всегда и чего никогда не могла объяснить словами. Она не «убирала черты» — это было бы слишком просто и слишком грубо. Скорее она входила в умирающее сознание, как входят в тёмную комнату с факелом, и видела то, что составляло человека: его страсти, его страхи, его желания. Некоторые из них горели слишком ярко и грозили пожрать всё остальное. Она гасила их. Не вырезала, не ломала — просто гасила, как гасят свечу, которая чадит.

В случае Грегора пожаром была его одержимость — та самая, что гнала его двадцать лет и в конце концов привела в эту комнату, под этот нож. Кира погасила её. Остальное — знания, память, странная, глубоко запрятанная преданность — осталось. Даже стало ярче, когда ушёл дым.

— Вставай.

Воздух над телом сгустился. Замерцал. Соткалась фигура — полупрозрачная, с теми же светлыми глазами.

Призрак осмотрел свои руки. Усмехнулся.

— Как странно. Как будто проснулся после долгого сна

— Ты будешь служить мне.

— Да. — Он склонил голову. — У тебя есть имя?

— Мор.

— Мор. Хорошее имя. Страшное. Тебе подходит.

Кира убрала нож в ножны. Призрак растворился в воздухе — теперь он был частью её невидимой свиты.

Она вышла из комнаты. Спустилась в общий зал. Бросила монету на стойку и ушла в ночь.

Дождь кончился. Небо очистилось. Луна — молодая, острая — висела над крышами.

Кира шла по пустым улицам и думала о других мирах. О порталах, которые можно открыть. Старик-фанатик верил в это так яростно, что почти убедил её.

«Может быть, — думала она, — я действительно смогу узнать то, что он не успел».

Она не знала, что через несколько недель встретит человека, который изменит всё. Не знала, что знание о других мирах однажды станет не теорией, а вопросом жизни и смерти.

Она просто шла. Впереди была ночь. За спиной — армия мёртвых и призрак учёного, который уже нашептывал ей обрывки древних карт.

Глава 3. Иерархия страха

Твари низшего ранга не способны причинить физический вред. Они питаются страхом, снами, эмоциями. Именно поэтому ритуал открытия резерва блокирует их восприятие — чтобы взрослые не сходили с ума от того, что нельзя убить.

— *Классификация существ, составленная Хранителем Памяти для внутреннего пользования*

Спустя несколько часов после убийства Кира не спала.

Она сидела на краю продавленного тюфяка в своей комнате над трактиром, глядя на луну за окном. Тело Грегора уже убрали. Следы крови — стёрты. Но в воздухе всё ещё витал запах смерти, смешанный с озоном и сладковатым ароматом старой магии.

Призрак стоял у стены, полупрозрачный, почти невесомый, но его присутствие заполняло комнату. Грегор молчал, давая ей время переварить услышанное. Кира смотрела на него и чувствовала, как внутри неё закипает холодное, жадное любопытство.

— Расскажи мне про тварей, — сказала она. — Всё, что ты знаешь.

Грегор поднял голову. Его призрачные глаза, лишённые зрачков, на мгновение сфокусировались на ней.

— Это обширная тема, Мор.

— У нас есть время. И, — она усмехнулась, — у тебя его теперь бесконечно много.

Призрак слегка усмехнулся в ответ — невесело, но с оттенком старого, академического азарта. Он подошёл к столу и сел на стул. Его тело прошло сквозь деревянную спинку, но он не обратил на это внимания.

— Твари различаются по рангам, — начал он, и в его голосе зазвучала лекторская интонация, которую Кира уже начала узнавать. — Их классифицируют по степени опасности для людей. Низший ранг — те, кого мы называем «Тенями». Они не могут причинить физический вред. Они питаются страхом, эмоциями, снами. Днём они почти невидимы — просто облачка, дрожащие в углах. Но ночью они принимают форму того, чего ты боишься больше всего.

— Дети видят их, — сказала Кира. — Я помню.

— Да. До ритуала открытия резерва дети видят их. Их мозг ещё не заблокировал эту способность. После ритуала, когда магия просыпается в теле, она создаёт защитный барьер. Ты перестаёшь видеть Теней, потому что они не опасны. Орден считает, что знание о них вредит психике взрослых. — Он поморщился. — Или, возможно, они просто не хотят, чтобы люди знали, что мир не так безопасен, как кажется.

Грегор поднял на неё взгляд, и в его светлых глазах мелькнуло что-то странное — смесь учёного любопытства и осто-

рожности.

— Ты не проходила ритуал открытия резерва, да, раз помнишь?

— Не проходила.

— Тогда ты видишь их. Всех. Всегда. — Он помолчал, изучая её лицо. — Как ты с этим живёшь?

Кира пожала плечами. В этом жесте не было бравады — только усталая, привычная пустота.

— Я просто перестала на них реагировать. Когда ты видишь их каждый день, они перестают быть страшными. Они становятся просто... частью пейзажа. Как камни или деревья. Ты учишься их игнорировать.

Грегор медленно кивнул, и в его взгляде появилось нечто похожее на уважение.

— Ты сильнее, чем думаешь, Мор. Большинство людей из тех, которые не проходят ритуал, сходят с ума. Они не могут спать. Они видят Тварей в каждой тени. Они начинают бояться собственного отражения. — Он помолчал. — А ты просто перестала реагировать. Это... впечатляет.

— Или я просто сломалась по-другому, — сухо ответила Кира. — Расскажи мне, почему мы перестаём их видеть. Что происходит в ритуале?

Грегор откинулся на спинку стула, и его призрачное тело на миг стало менее плотным, словно он собирался с мыслями.

— Ритуал открытия резерва — это не просто активация

магии, — начал он. — Это перестройка сознания. Когда ребёнок проходит ритуал, его мозг учится блокировать то, что не может причинить физический вред. Тени — низший ранг — не могут убить. Они могут только пугать. Поэтому мозг просто... отключает их. Как ненужный шум. Ты перестаёшь их видеть, потому что твой разум решает, что они не важны.

— А второй ранг?

— Второй ранг — «Падальщики». Они уже могут причинять физический вред. Они не такие сильные, как Охотники, но они агрессивны и голодны. Они чувствуют запах крови, страха, слабости. Они нападают на людей, животных, даже на других тварей, если те слабее. Им не нужны эмоции — им нужна плоть. — Грегор помолчал. — Руны на стенах города защищают от них. Падальщики не могут пересечь границу, потому что руны создают барьер, который они не в силах пробить. Но если руны ослабевают...

— Руны ослабевают?

— Редко. Но бывает. Когда магия в источнике иссякает или когда руны повреждаются. Орден следит за этим, но не всегда успевает. — Грегор понизил голос, словно говорил что-то запретное. — За последние двадцать лет было три случая, когда Падальщики прорывались в город. Дважды их уничтожили патрульные маги. Один раз они убили семью из пяти человек, прежде чем их остановили.

Кира сжала челюсти. Она не была сентиментальной, но эта информация была важна. Она давала понять, что мир, в

котором она живёт, держится на тонкой нити.

— А третий ранг?

— Охотники, — сказал Грегор, и в его голосе появилась осторожность. — Те, кого боятся даже Падальщики. Они разумны. Не как люди, но достаточно, чтобы строить планы, загонять добычу в ловушки, избегать опасности. Они чувствуют магию. Они могут обходить руны, если те ослабевают. Они могут ждать днями, неделями, пока жертва не сделает ошибку.

Кира отвела взгляд в сторону, переваривая услышанную информации, а Грегор продолжал открывать для неё мир. Она верила ему, потому что у всех её призраков есть одно качество - абсолютная честность с Мор.

— Они всегда там, за стенами, ждут. — Он наклонился вперёд. — Но есть одна проблема. Когда ты проходишь ритуал, ты не просто перестаёшь видеть Теней. Ты забываешь, что они вообще существуют. Ты забываешь, что боялся их в детстве. Твой разум вырезает эту часть памяти, потому что она несовместима с новой картиной мира. Ты становишься взрослым. А взрослые не верят в монстров под кроватью.

— А я? — спросила Кира. — Я не проходила ритуал. Но я помню всё. Помню, как боялась темноты. Помню, как видела их в углах. Помню, как они выглядели.

— Ты — исключение, — сказал Грегор. — Ты видишь мир таким, какой он есть. Без фильтров. Без лжи. — Он усмехнулся. — И поэтому ты сильнее их. Потому что ты зна-

ешь правду. Ты знаешь, что они не могут причинить тебе вреда, если ты не боишься. Ты научилась не бояться.

Кира молчала, глядя на огонь. Она думала о том, что Грегор прав. В детстве она боялась Теней. Она просыпалась по ночам с криком, потому что видела их в углах. Мать говорила ей, что это просто сны. Но Кира знала, что это не сны. Это были они. Они смотрели. Они ждали. Они питались её страхом.

А потом она просто перестала бояться. Не потому, что стала храброй. А потому, что поняла: если она будет бояться, они победят. Если она будет игнорировать их, они исчезнут. Она научилась смотреть сквозь них. Она научилась жить с ними.

Теперь, когда она думала об этом, она понимала, что это был её первый урок выживания. Не магия, не клинок, не призраки. Просто способность не обращать внимания на то, что должно было сломать её.

— Ты говорил о порталах, — сказала Кира. — О других мирах. Твари — они оттуда?

Грегор замер. Его призрачное лицо стало напряжённым.

— Я не знаю точно. Теорий много. Одна из них — что твари всегда были здесь, просто скрыты от глаз. Другая — что они пришли через разломы, когда Первые Маги начали черпать субстанцию из других миров. — Он покачал головой. — Я изучал это двадцать лет, Мор. У меня есть карты, тексты, теории. Но ответа нет. Только вопросы.

— А что насчёт тех, кто выше Охотников?

Грегор посмотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом.

— Я не знаю, существуют ли они. Но в древних текстах есть упоминания о существах, которые стоят выше. Те, кто управляет Охотниками. Те, кто создаёт разломы. Те, кто, возможно, ждёт, пока мы ослабеем, чтобы войти. — Он помолчал. — Я не нашёл им названия. Может быть, потому что их не существует. А может быть, потому что те, кто знал их имя, уже мертвы.

Кира молчала, переваривая услышанное. Она думала о том, как её жизнь была простой, когда она просто убивала за деньги. Теперь у неё был призрак с двадцатилетним багажом знаний. И эти знания открывали двери в мир, о котором она не подозревала.

— Хорошо, — сказала она, вставая. — Отдыхай. Завтра у нас будет много работы.

Грегор исчез, растворившись в воздухе, как дым. Кира осталась одна, глядя на луну за окном.

Она думала о стенах, покрытых древними рунами. О тварах, которые ждали за ними. И о том, что, возможно, однажды эти стены падут. И тогда город, который вышвырнул её, узнает, что такое настоящий страх.

Глава 4. Шёпот

Городские стены покрыты древними сдерживающими рунами первого круга. Они питаются магией, текущей из разломов, и блокируют проникновение тварей второго ранга и выше. Но руны не вечны. И магия не бесконечна.

— Из отчёта инспектора по защите периметра, дата утеряна

За две с половиной недели до событий на площади Отречения Кейлин впервые услышал имя «Мор».

Было раннее утро. Он стоял в очереди у булочной — мать попросила купить горячего, свежего хлеба, — и пытался не замёрзнуть. Зима в этом году выдалась слякотная: снег выпадал, таял, снова выпадал, и улицы превратились в серое месиво. Кейлин переминался с ноги на ногу и думал о том, что сапоги пора менять — левый пропускал воду уже неделю, и носок к полудню становился мокрым.

Очередь продвигалась медленно. Впереди стояли двое — пекарь, который вышел покурить, и какой-то мужик с корзиной, сбитый и сутулый, как старый пенёк. Они говорили негромко, но Кейлин невольно прислушался, потому что иначе слышать было нечего — только завывание ветра и редкие крики торговцев.

— Слыхали? — сказал пекарь, выпуская клуб дыма.

— Чего? — отозвался мужик, не оборачиваясь.

— Грегора-то. Который над трактиром жил. Убили.

Кейлин наострил уши. Он абсолютно никак не проявил это внешне, но слушать стал внимательнее.

— Как убили?

— Насмерть, — хмыкнул пекарь. — Ножом. Прямо в комнате. Трактирщик утром зашёл — а он сидит в кресле, и дырка в груди. И ни следа взлома.

— Может, сам?

— Сам себя в грудь ножом? Это надо быть очень гибким.

— Да ну, — усомнился мужик. — Кто ж его так? За что?

— Говорят, это Мор. — Пекарь понизил голос почти до шёпота, и Кейлин невольно шагнул ближе, делая вид, что разглядывает вывеску. — Та самая. Некромантка. Из Пустых. За ней хвост из призраков тянется.

— Это баба-то?

— Баба не баба, а убивает так, что стража даже не ищет. Потому что ей заказывают те, кто выше стражи.

— А этот Грегор — он кто был-то?

— Маг. Из этих, из библиотечарских. Только бывший. Говорят, он когда-то украл у них что-то важное, и его искали. А нашла — Мор.

— И что теперь?

— А ничего. Трактирщик тело в стражу сдал. Стража бумажку написала. Бумажку подшили в папку. Папку — в ар-

хив. Всё. Кому нужен старый маг, который десять лет в бегах?

Кейлин наконец посмотрел на них. Пекарь перехватил его взгляд и вдруг прищурился с любопытством, которое Кейлин видел у деревенских, когда замечали незнакомца.

— Слышь, парень, — сказал пекарь, обращаясь к нему. — А ты чего такой бледный? Тоже боишься Мор?

— Я... — Кейлин запнулся, не зная, что ответить. — Я просто хлеб, точнее за хлебом пришёл.

— Хлеб, говоришь, — усмехнулся пекарь. — Ну-ну. Ты вон, на мосту, поглядывай. Говорят, она по ночам ходит. Если увидишь бабу в сером плаще, которая не смотрит в глаза — беги. Беги и не оглядывайся.

— Брось, — сказал мужик, дёргая пекаря за рукав. — Пугаешь мальчика. Он и так худой, как щепка.

Очередь продвинулась. Кейлин оказался у прилавка. Булочница — молодая, румяная, с мукой на щеке — улыбнулась ему. Он машинально назвал заказ, заплатил, взял хлеб.

Руки держали тёплый свёрток, а голова всё ещё прокручивала услышанное: «Мор. Некромантка. Убивает так, что стража не ищет. Служат ей те, кто видел».

Он попытался представить себе женщину, которой служат мёртвые. Не получилось. Точнее — получилась какая-то карикатура: серый с красными вкраплениями (засохшей кровью) плащ, горящие глаза, костяная корона. Как в детских сказках. Кейлин помотал головой и пошёл домой, стараясь

думать о сапогах и о том, что хлеб стынет

Но имя «Мор» застряло в голове, как заноза.

Дома его ждал отец с новым заказом.

— Кей! Отнесёшь в библиотеку.

Кейлин замер на пороге. Хлеб в руках всё ещё был тёплым.

— В какую библиотеку?

— В городскую. Архив округа. — Отец вытирал руки о фартук и не смотрел на него. — Им нужна новая подставка для грессбухов. Я сделал. Отнесёшь.

— А почему не...

— Не курьер? — Отец усмехнулся, и в этой усмешке была та самая тягучая, привычная горечь, которую Кейлин знал с детства. — Потому что курьеру надо платить. А ты — сын. Ты бесплатно. Иди, не стой.

Кейлин вздохнул. Спорить было бесполезно. Он положил хлеб на стол, взял подставку — тяжёлую, дубовую, с вырезанными по бокам рунами, которые отец добавил для красоты, не понимая их смысла, — и вышел обратно на холод.

До библиотеки идти было минут двадцать. Он шёл мимо рыночной площади, где Марта уже разложила свои пирожки, мимо скобяной лавки, откуда пахло железом, мимо трактира — того самого, над которым жил Грегор. Перед трактиром стояли двое стражников и о чём-то переговаривались с хозяином. Хозяин разводил руками, показывая что-то наверх.

Кейлин ускорил шаг.

Он не хотел смотреть на место, где убили человека. Не хотел представлять, как это было. Не хотел знать.

Но мозг — проклятый, непослушный мозг — всё равно рисовал картинку: тёмная комната, кресло, человек с дыркой в груди, и где-то рядом — невидимая, безликая, — женщина по имени Мор.

В библиотеке было тепло и тихо.

Кейлин любил эту тишину. Она была плотной, слоистой, как старый пергамент: тишина книжных полок, тишина читального зала, тишина архивных подвалов, куда не заходил никто, кроме библиотекарей. Здесь даже шаги звучали иначе — мягче, глуше, словно само здание просило не тревожить покой знаний.

За стойкой сидел тот же молодой библиотекарь, что и в прошлый раз, — в серой мантии с вышитой руной второго круга. Кейлин поставил подставку на стойку и сказал:

— Заказ от Орена-краснодеревщика. Подставка для грессбухов.

Библиотекарь поднял глаза, кивнул, осмотрел работу. Его пальцы — длинные, бледные, в чернильных пятнах — прошлись по резным рунам.

— Красиво, — сказал он. — Хотя руны перепутаны. Эта означает «огонь», а эта — «тишина». Вместе они не имеют смысла.

— Отец не маг, — сказал Кейлин. — Он просто режет то, что красиво выглядит.

— Это заметно. — Библиотекарь усмехнулся, но в его глазах мелькнуло что-то странное — любопытство, смешанное с тревогой. — Ты ведь сын Орена? Кейлин?

— Да.

— Я слышал... — Библиотекарь замялся, понизил голос. — Ты в прошлый раз интересовался историей магии. Книгу брал в читальном зале.

Кейлин удивлённо моргнул. Он и забыл о той книге — трактат, который он открыл наугад и тут же закрыл. Неужели библиотекарь запомнил?

— Я просто листал, — сказал он.

— Понятно. — Библиотекарь помолчал. — Просто в городе беспокойно. Ты, наверное, слышал про убийство?

— Слышал.

— Убитый был из наших. Из Ордена. Бывший Хранитель Слов. — Он осёкся, будто сказал лишнее. — В общем будь осторожен. Не лезь в дела, которые тебя не касаются. Ты не маг. У тебя нет защиты.

Кейлин кивнул. Сердце стучало быстрее обычного.

— Я не лезу, — сказал он. — Я просто доставщик.

— Вот и хорошо. — Библиотекарь кивнул и вернулся к своим гроссбухам.

Кейлин вышел из библиотеки. На улице по-прежнему было холодно, серо, слякотно. Вроде бы ничего не изменилось.

Но теперь у него было подтверждение. Убитый — из Ордена. Бывший Хранитель Слов. Значит, слухи не вдали.

И ещё библиотекарь сказал: «Не лезь в дела, которые тебя не касаются». Это было предупреждение. Или угроза. Или просто совет. Кейлин не понимал.

Он вообще много чего не понимал в последнее время.

Вечером он сидел на крыльце мастерской и смотрел на улицу.

Смеркалось. Фонарщик зажигал масляные лампы — одну за другой, методично, как заведённый. В жёлтом свете город казался теплее, чем был на самом деле.

Кейлин думал о Мор.

Он не должен был о ней думать. Она — убийца. Некромантка. Женщина, которой служат мёртвые. Она опасна, она жестока, она — порождение того тёмного мира, о котором Кейлин ничего не знал и знать не хотел.

Но он думал.

Думал о том, как это — жить, когда за тобой охотятся. Думал о том, как это — убивать людей и забирать их души. Думал о том, страшно ли ей по ночам. Или она давно перестала бояться. Или вообще никогда не боялась.

«Те, кто её видел, либо уже в земле, либо работают на неё и молчат как рыбы», — сказал пекарь, когда Кейлин уже уходил со своей покупкой.

Кейлин поёжился. Он был никем. Скромным доставщиком, сыном краснодеревщика, человеком без магии и без амбиций. Его путь никогда не пересечётся с путём такой жен-

щины, как Мор.

Так он думал.

Он ошибался, но пока об этом не знал.

Ночью ему приснились глаза.

Два больших, белёсых, без зрачков. Они смотрели на него из темноты — не враждебно, не угрожающе, а скорее с любопытством. Как смотрят на незнакомый предмет, пытаясь понять, опасен он или нет.

Кейлин проснулся в холодном поту и долго лежал, глядя в потолок.

«Это просто сон, — сказал он себе. — Просто нервы. Просто много работаю».

Но сон был слишком ярким. Слишком настоящим.

И глаза — он почти чувствовал их взгляд, даже когда проснулся. Как будто кто-то стоял в углу комнаты и смотрел на него.

Он сел на кровати. Осмотрелся. В комнате никого не было. Только тени, луна за окном и тихое дыхание родителей за стеной.

Кейлин лёг обратно. Закрыв глаза. Долго не мог уснуть.

Где-то далеко, за стенами города, в пустоши, по которой гулял ветер, сидела тварь. Она не знала, кто такой Кейлин. Не знала его имени. Не знала, что через две с половиной недели он окажется за воротами — босой, в серой рубаше, с чёрной руной на запястье.

СПРАВКА: ТВАРЬ *Существо из мира-донора. Изгой среди своих. Случайно затянута в разлом.*

Но она уже смотрела на него.

Иногда твари видят будущее. Не всё, не ясно — обрывками, образами, снами. Она видела глаза человека, который будет смотреть на неё без страха. И ждала.

Глава 5. Хранительница

Орден Хранителей Слов был создан для защиты знания. Со временем он превратился в защиту системы. Знание стало вторичным. Система — первичной.

— Запись в личном дневнике Хранительницы Верис, уничтожена по её приказу

Лисса ненавидела утро.

Не само утро — она не была соней и не проклинала расцвет, как делали некоторые младшие переписчики, выползавшие к завтраку с красными глазами и мятой мантией. Она ненавидела то, что приходило вместе с утром: доклады, запросы, прошения, жалобы, сводки о прорывах, отчёты о пропавших рукописях, повестки в совет, срочные вызовы, несрочные вызовы и — самое страшное — тихий, ровный голос наставницы из Четвёртого круга, которая имела обыкновение начинать разговор с фразы «У нас проблема».

Этим утром фраза прозвучала, когда Лисса ещё не допила чай.

— У нас проблема.

Лисса опустила чашку и подняла глаза. Наставница стояла в дверях её кельи — пожилая женщина с лицом, изрезанным шрамами от боевых рун, и именем, которое никто не

произносил вслух. Все звали её просто Хранительница Верис. Она была из Четвёртого круга, как и Лисса, но старше на тридцать лет и на одну невысказанную трагедию, которая сделала её глаза холодными, а движения — экономными.

— Я слушаю, — сказала Лисса.

— Грегор мёртв.

Лисса знала Грегора. Вернее — знала о нём. Десять лет назад он был Хранителем Слов Третьего круга, подающим надежды исследователем, одержимым идеей множественности миров. Потом он украл три рукописи из закрытого архива и бежал. С тех пор его искали — не слишком активно, потому что у Ордена были дела поважнее, но и не забывали.

— Кто? — спросила она.

— Говорят, Мор.

Имя повисло в воздухе. Лисса слышала о Мор — кто не слышал? Некромантка, изгнанница, женщина с армией мёртвых. Убийца на службе у тех, кто платит. Опасная, непредсказуемая, неуловимая. И — если верить слухам — не проходившая ритуал открытия резерва.

— Это точно она?

— Нож в грудь, никаких следов взлома, и тело без души.

— Верис пожала плечами. — Это её почерк.

— Грегор был из наших. Бывший, но из наших. Совет отреагировал?

— Совет собирается через час. Ты должна быть там.

Лисса кивнула. Верис ушла, оставив её допивать чай, ко-

торый уже остыл.

Архив Ордена Хранителей Слов не был тем, чем его представляли обычные люди. Обычные люди думали, что это библиотека. Большая, старая, но всё же библиотека — с читальным залом, стойкой и пыльными полками.

На деле Архив был крепостью.

Он стоял в центре города, но не на поверхности — точнее, не только на поверхности. Над землёй возвышалось здание в три этажа, облицованное серым камнем, с колоннами и вывеской: «Архив городского округа. Открыт для всех граждан». Это была публичная часть — читальный зал, справочная, отдел городских записей. Здесь работали Чтецы, младшие переписчики и стажёры. Здесь пахло пылью и воском. Здесь любой горожанин мог взять книгу по истории магии и не узнать из неё ничего важного.

Но под землёй, на глубине четырёх ярусов, Архив продолжался. И вот там уже не пахло пылью — там пахло старым камнем, рунной магией и тишиной, которая длилась веками.

Лисса спустилась на второй подземный ярус.

Здесь коридоры были узкими, освещёнными не масляными лампами, а холодным рунным светом — бледно-голубым, без теней. Стены покрывала резьба: защитные формулы, охранные руны, древние знаки, которые никто не читал уже лет триста. Пол был выложен чёрным камнем, и шаги по нему звучали глухо, как будто сам камень гасил звуки.

Зал Совета находился на втором ярусе и представлял собой круглую комнату с куполообразным потолком. В центре стоял стол — не каменный, не деревянный, а сотканный из сгущённого света: древняя магия, которой больше никто не владел. Вокруг стола располагались семь кресел — по числу Хранителей Первого Слова.

Когда Лисса вошла, Совет уже собирался.

Первое Слово — семеро магов, стоявших на вершине Ордена, — занимали свои места. Лисса знала их всех в лицо, но не по именам: имена Первого Слова были тайной даже для Четвёртого круга. Их называли по титулам: Хранитель Света, Хранительница Порога, Хранитель Памяти, Хранитель Тишины, Хранитель Долга, Хранительница Жертвы, Хранитель Имени.

Председательствовал Хранитель Долга — сухой, как старая рукопись, старик с длинными белыми волосами и взглядом, который, казалось, смотрел сквозь собеседника в какую-то далёкую точку за пределами реальности.

— Начинаем, — сказал он.

Лисса заняла место среди представителей Четвёртого круга — у стены, за спинами Первого Слова. Таких, как она, было около дюжины. Верис стояла рядом.

— Все слышали об убийстве бывшего Хранителя Грегора, — начал Хранитель Долга. — Сегодня мы собрались, чтобы решить, как Орден будет реагировать.

СПРАВКА: ХРАНИТЕЛЬ ДОЛГА Член Первого Слова

Ордена. Председатель Совета. Сухой старик с длинными белыми волосами. Олицетворяет бюрократию и страх перед переменами. Для него стабильность важнее правды.

— Никак, — сказал Хранитель Тишины — тучный мужчина с лицом, которое никогда не выражало эмоций. — Грегор был изгнан. Он перестал быть членом Ордена в тот день, когда украл рукописи. Его смерть — не наше дело.

СПРАВКА: ХРАНИТЕЛЬ ТИШИНЫ *Член Первого Слова Ордена. Тучный мужчина с лицом, которое никогда не выражает эмоций. Считает, что Орден не должен вмешиваться в дела аристократов. Голос консервативной части Совета.*

— Он знал многое, — возразила Хранительница Порога — молодая, но уже совершенно седая женщина с глазами, которые видели разломы. — Если перед смертью он говорил с убийцей, его знание могло уйти на сторону. А если его действительно убила Мор, как говорят в городе, и она им заинтересовалась, то знания точно попали в чужие руки.

СПРАВКА: ХРАНИТЕЛЬНИЦА ПОРОГА *Член Первого Слова Ордена. Молодая, но уже совершенно седая женщина. Видит разломы и знает об опасности. Пытается убедить Совет действовать, но проигрывает.*

— Его знание было опасной ересью, которая привлекает внимание Разломов, — отрезал Хранитель Тишины. — Мы не тратим ресурсы Ордена на расследование смерти еретика, чтобы не давать этой ереси лишнего веса.

— И тем не менее, — мягко произнёс Хранитель Памяти — старейший из присутствующих, слепой на оба глаза, но видящий больше, чем любой зрячий, — он украл три рукописи. Мы так и не вернули их. Если он успел их расшифровать...

СПРАВКА: ХРАНИТЕЛЬ ПАМЯТИ *Член Первого Слова Ордена. Старейший из присутствующих, слепой на оба глаза, но видящий больше, чем любой зрячий. Знает правду о «Иске», но выбирает стратегию наблюдения.*

— Если он их расшифровал, это ничего не меняет. — Хранитель Тишины стукнул кулаком по подлокотнику. — Он был сумасшедшим. Его теории о других мирах — сказки.

— А кто должен? — спросила Хранительница Жертвы. Она говорила редко, но каждое её слово падало, как камень в воду. — Кто, если не мы? Стража? Корона? Твари?

Повисло молчание.

Лисса стояла у стены и слушала. Она знала, что спор этот — не об убитом. Спор был о том, что делать с информацией, которая может оказаться в чужих руках. Грегор знал то, чего не следовало знать никому за пределами Ордена. Если перед смертью он успел что-то рассказать убийце — даже самую малость, даже обрывок правды, — это могло стать проблемой.

— Мы можем поговорить с убийцей? — спросил кто-то из Четвёртого круга.

— С Мор? — Хранитель Тишины усмехнулся. — Попро-

буйте. Говорят, она не оставляет свидетелей.

— Она некромантка, — сказала Верис, и все обернулись к ней. — Если верить слухам, Грегор не просто мёртв. Его душа — у неё. А душа бывшего Хранителя, пусть и безумного, — это ходячий архив. Всё, что он знал, теперь знает она.

— Именно. — Хранитель Долга поднял руку. — Поэтому мы должны решить, как действовать.

— Я предлагаю найти её, — сказала Хранительница Порога. — И допросить.

— Допросить некромантку с армией призраков? — Хранитель Тишины покачал головой. — Самоубийство.

— Мы — Орден Хранителей Слов. У нас есть боевые маги. Если не мы, то кто?

— Вы забываете о главном, — тихо произнёс Хранитель Памяти. — Мор — Пустая. Изгнанница. Она не проходила ритуал. Или прошла, но неудачно. Это значит, что она видит тварей. И твари видят её.

Лисса почувствовала, как между лопаток возникло липкое, холодное покалывание.

— Если мы начнём охоту на Мор, — продолжал Хранитель Памяти, — твари заметят. Они заинтересуются. Возможно, они уже заинтересованы. Нам не нужна лишняя активность в разломах.

— Значит, мы будем сидеть и ждать? — спросила Хранительница Порога.

— Мы будем наблюдать, — сказал Хранитель Долга. —

Пока что — наблюдать. У нас есть более важные проблемы. Истощение субстанции. Разломы на востоке. Давление короны.

Совет продолжился. Лисса слушала, запоминала, но мысли её то и дело возвращались к одному и тому же образу: женщина-изгнанница, идущая сквозь ночь, а за спиной у неё — армия мёртвых, и среди них — бывший Хранитель Слов, который знал то, чего не следовало знать никому.

После заседания Лисса поднялась в наземную часть Архива.

В читальном зале было пусто — только молодой библиотекарь перебирал карточки каталога да какой-то парень принёс подставку для гроссбухов.

Она думала о том, что сказал Хранитель Памяти. О том, что твари видят Пустых. О том, что Мор — где-то там, в ночи, с душой Грегора в кармане и знанием, которое может изменить всё.

«Если она знает то, что знал он, — думала Лисса, — она может стать либо союзником, либо угрозой. Но она определённо не останется просто убийцей».

Лисса подошла к окну и посмотрела на город.

Где-то там, за крышами, за рыночной площадью, за трактиром, в котором убили Грегора, шла женщина по имени Мор. Шла, не зная, что Орден уже обсуждает её судьбу. Шла, не зная, что её имя прозвучало в зале Совета.

Лисса смотрела в окно и думала: «Я должна найти её первой. Раньше, чем твари. Раньше, чем те, кто хочет её убить».

Она ещё не знала, как. Не знала, где искать. Не знала, что скажет, когда найдёт.

Но она знала, что больше не может сидеть и ждать.

Вечером, в своей келье, Лисса достала карту города и окрестностей. Отметила трактир, где убили Грегора. Отметила квартал Пустых. Отметила разломы.

Где-то там, в пересечении этих линий, была Мор.

Лисса провела пальцем по карте и тихо сказала вслух:

— Найду.

Свеча на столе мигнула и погасла. В темноте руны на её запястьях засветились тусклым серебром — знак того, что резерв активен и готов к действию.

Она не знала, что её поиски приведут её совсем не туда, куда она думает. Не знала, что Мор — лишь часть большой картины. Не знала, что настоящая встреча ждёт её не в тёмном переулке, а рядом с человеком, которого она сегодня не заметила.

Но это будет потом.

А пока — ночь, карта, рунный свет на запястьях и женщина, которая решила действовать.

Глава 6. Мёртвые не лгут

*Призраки, привязанные к некроманту
ритуалом крови, не просто тени.*

*Они — живые воспоминания. И иногда
память убитого оказывается
опаснее, чем его меч.*

*— Из запрещённого трактата «О природе посмертной
привязки», автор неизвестен*

Через неделю после того, как бывший Хранитель Слов перестал дышать, Кира сидела на пустом складе у восточной стены и разговаривала с мертвецом.

Склад был заброшенным — из тех, что остались после Торговой гильдии, переехавшей в новый квартал лет двадцать назад. Крыша протекала. Окна забиты досками. Пол устлан соломой, мышинным помётом и пылью, которую никто не тревожил годами. Сюда не заходили патрули, сюда не сошались воры — потому что знали: восточный склад облюбовала Мор, а с Мор лучше не связываться.

Кира развела огонь в старом железном мангале, который нашла здесь в первый же день, и теперь сидела, скрестив ноги, спиной к стене, и смотрела на призраков.

Их было пятеро.

Пятеро из дюжины, составлявшей её армию. Остальные ждали снаружи, растворённые в тенях, — на страже. Эти пя-

теро были здесь.

Аркос стоял у дальней стены — бывший стратег, убитый ею два года назад. При жизни он вёл армии на верную смерть и считал солдат расходным материалом. Теперь он был спокоен, аналитичен и безупречно логичен. Его призрачная фигура — высокая, прямая, с руками, сцепленными за спиной, — напоминала статую, забытую в углу музея. Он молчал. Он всегда молчал, пока его не спрашивали.

Рядом с ним, на перевёрнутом ящике, сидела Лив — бывшая воровка, которую Кира убила полтора года назад. Лив была молодой, дерзкой и при жизни попыталась обокрасть не того заказчика. Кира получила контракт на её устранение и выполнила его без колебаний, но после смерти оставила воровку при себе. Та стала тихой, преданной и всё ещё иногда улыбалась краешком рта, когда вспоминала что-то из прошлой жизни.

Ближе всех к огню сидел Грегор.

Новый. Непривычный. Ещё не освоившийся в собственном посмертии. Его призрачная фигура то и дело подрагивала, как пламя на ветру, — обычное дело для тех, кто умер недавно. Со временем это пройдёт. Со временем он станет таким же стабильным, как Аркос.

— Рассказывай, — сказала Кира.

— С чего начать?

— С порталов. Подробно.

Грегор задумался. Она видела, как в его прозрачной голо-

ве ворочаются мысли — старые, живые, цепкие, не тронутые её вмешательством.

— Порталы, — начал он, и в голосе прорезалась знакомая лекторская интонация, — это не просто двери. Это проколы в ткани реальности. Чтобы их открыть, нужно знать три вещи: координаты, ключ и цену.

— Координаты — карты. Ты говорил, что видел такие в Архиве.

— Видел. Древние карты реальностей. Их, по легенде, составили первые маги, которые ещё помнили, откуда пришла магия. — Он осёкся. — Это моя теория. Не доказанная. Но карты существуют. Ярус минус три. Секция «Космология». Я видел их.

— Нарисовать по памяти сможешь?

— Смогу. — Он улыбнулся, и улыбка вышла размытой. — Я двадцать лет изучал это, Кира. Двадцать лет. Карты реальностей, руны порталов, теории межмировых переходов. Всё здесь. — Он постучал пальцем по виску. Призрачный палец прошёл сквозь призрачный висок. Он поморщился. — Забываю, что бесплотен.

— Ключ, — напомнила Кира.

— Да. Ключ — это магический якорь. Нечто, связывающее два мира. Без ключа портал откроется в пустоту. Или не откроется вообще. Или откроется в такое место, откуда не возвращаются.

— Что может быть ключом?

— Всё что угодно. Предмет. Слово. Человек. Кровь. — Он помолчал. — В одной из рукописей, которые я украл, описывался эксперимент. Древний маг использовал как ключ собственного ребёнка. Мальчика пяти лет. Портал открылся и держался три удара сердца, а потом закрылся. Ребёнок исчез. Маг не смог его вернуть.

Кира молчала. Огонь в мангале потрескивал.

— Цена, — сказала она, возвращаясь к разговору. — Ты говорил, что порталы требуют плату. Что может быть ценой?

Грегор моргнул, переключаясь обратно на академический регистр.

— Самое сложное. — Грегор подался вперёд. — Каждый портал требует платы. Энергии. Огромного количества. Наш резерв не подходит — слишком мал. Маги прошлого использовали другие источники. Какие — я не знаю. Не успел узнать. Это было в третьей рукописи, которую я не расшифровал.

— Значит, без цены портал не открыть.

— Без цены ничего не открыть. — Он усмехнулся. — Это универсальный закон.

Кира откинулась спиной к стене. Фанатик. Даже после смерти его глаза горели тем же огнём, что и при жизни, — правда, теперь холодным, как рунный свет. Но он был полезен.

— Аркос, — позвала она.

Стратег оторвался от стены и шагнул вперёд.

— Да, Мор?

— Что думаешь?

Аркос помолчал — по привычке просчитывал варианты.

СПРАВКА: АРКОС Призрак-стратег в армии Киры.

При жизни – военный гений, одержимый победой любой ценой. После смерти Кира убрала его жестокость, оставив аналитический ум. Теперь – мозг операций. Подробнее – см. Картотеку 7.

— Информация ценная, но неполная. Без третьего компонента — цены — практического применения не имеет. Рекомендую направить ресурсы на поиск недостающих данных.

— Где искать?

— Архив Ордена — очевидно, но слишком рискованно. Альтернатива: другие изгнанные маги. Те, кто, как Грегор, могли обладать доступом к закрытой информации до своего падения.

— Список составишь?

— Да.

Аркос замолчал. Кира перевела взгляд на Лив.

— А ты что?

— А что я? — Лив пожала плечами. — Я в этих порталах не смыслю. Но если нужно будет куда-то пробраться и что-то украсть — я готова.

СПРАВКА: ЛИВ Призрак-воровка в армии Киры. При жизни – восходящая звезда воровского мира. После смерти – разведчица и диверсантка. Любит собирать сплетни и шан-

тажировать ими врагов. Подробнее – см. Картотеку 8.

Кира кивнула.

— Хорошо. Грегор — рисуешь карты реальностей. Всё, что помнишь. До мельчайших деталей. Аркос — список изгнанных магов. Лив — разведка. Мне нужно знать обстановку в квартале аристократов. Не для убийства. Просто наблюдение.

— Зачем тебе аристократы? — спросил Грегор.

— Там мой следующий заказ, — коротко ответила она.

Она не стала уточнять. Мелкий заказ, не стоящий обсуждения: клиент хотел, чтобы она проследила за одним купцом, который слишком много болтал о делах, не предназначенных для чужих ушей. Но в квартале аристократов всегда можно узнать что-то полезное.

— На сегодня хватит.

Кира поднялась. Призраки замерли, ожидая приказов.

— Все свободны. Кроме стражи.

Аркос кивнул и растворился первым. Лив — с усмешкой. Грегор задержался на секунду дольше остальных, глядя на огонь.

— Знаешь, — сказал он тихо, — я думал, что после смерти всё закончится. Что я просто исчезну. А вместо этого сижу у костра и рассказываю о порталах.

— Жалеешь?

— Нет. — Он покачал головой. — Любопытно. У меня теперь вечность впереди, чтобы узнать то, что я не успел.

Это... утешает.

Он исчез.

Кира поднялась наверх, легла на тюфяк, но спать не стала. Лежала, глядя в потолок, и думала о порталах. О других мирах. О том, что сказал Грегор: «Цена есть у всего».

Она закрыла глаза.

Завтра — наблюдение за купцом. Послезавтра — карты реальностей, нарисованные призрачными пальцами на клочке бумаги. А потом — новые заказы, новые цели и медленное, упорное движение к тому, что маячило где-то впереди и пока не имело названия.

Мёртвые стояли на страже.

Глава 7. Тени на стене

*Дети видят тварей до ритуала
открытия резерва. После ритуала
они забывают не только то, что
видели, но и сам факт своего
страха. Взрослые называют это
взрослением. Библиотекари называют
это контролем.*

— *Заметка на полях Хранительницы Лиссы*

За десять дней до событий на площади Отречения Кейлин впервые заметил, что за ним следят.

Это было не очевидное наблюдение — никто не прятался в подворотне и не шёл за ним по пятам, оглядываясь на каждом шагу. Скорее — ощущение. Лёгкое, как дуновение сквозняка. Будто кто-то смотрел в спину, а когда он оборачивался — никого.

Он сказал себе, что это нервы.

Он много чего говорил себе в последние дни. Что случайная встреча с Винсентом у дверей мастерской ничего не значила. Что разговор в булочной о Мор — просто городские сплетни, не имеющие к нему отношения. Что убийство Грегора — трагедия, но трагедия далёкая, чужая, не его. Что мир по-прежнему устроен просто, и если не лезешь в чужие дела, они не лезут в твои.

Врал. Сам себе врал и знал это, но продолжал — потому что правда была слишком неудобной, а менять что-то он не умел.

Утро началось как обычно — с окрика отца.

— Кей! Сегодня к Тайренам! Кресло почти готово, но лорд прислал записку: просил доставить завтра. Так что сегодня у нас день на доделки.

Кейлин замер на полпути к умывальнику.

— К Тайренам, — повторил он.

— Ну да. Я же говорил. Кресло, обивка зелёная, подлокотники — грифоны. Лучшая моя работа за последние годы. — Отец вытирал руки о фартук и смотрел на него с лёгким недоумением. — Ты что, забыл?

— Нет. Просто задумался.

Он не забыл. Он помнил. Просто надеялся, что отец передумает и пошлёт кого-нибудь другого. Но посылать было некого: курьер стоил денег, грузчики не умели общаться с аристократами, а Кейлин умел — или хотя бы не вызывал раздражения своим присутствием.

— Вот и хорошо, — сказал отец. — Займись пока полировкой. Ножи у кресла ещё нужно довести до блеска.

Кейлин кивнул и пошёл умываться.

Вода в тазу была ледяной, но он почти не заметил этого. Мысли крутились вокруг одного: «К Тайренам. Завтра. К лорду, который смотрит на меня как на пустое место».

Он плеснул водой в лицо, вытерся и спустился в мастерскую.

До полудня он работал.

Работа была простая: полировка резных ножек, проверка обивки, последние штрихи. Руки делали привычное дело, а голова была свободна — и это было плохо. Свободная голова Кейлина имела свойство заполняться мыслями, которые он не заказывал.

Он думал о Винсенте и его словах: «Ты никогда ничего не хотел». О Мор, которая где-то там, в ночи, ходит с армией мёртвых. О Грегоре, бывшем Хранителе, который, говорят, украл у Ордена какие-то рукописи.

Он вспомнил сон. Глаза во тьме. Фигуру у пещеры. Пульсирующий свет из глубины.

«Это просто сон», — сказал он себе в сотый раз.

Ткань скользила по дереву. Кресло блестело. Работа шла.

В полдень он вышел купить хлеба.

На рыночной площади было шумно. Марта, увидев его, замахала рукой — она всегда махала, — и Кейлин подошёл.

— Кей! Твой отец мне табурет починил — золотые руки!

Передай ему спасибо.

— Передам, — сказал Кейлин.

— А ты чего хмурый? Опять не выспался?

— Выспался. Просто думаю.

— Ого! — Марта всплеснула руками. — Ты думаешь! Это что-то новенькое.

Кейлин невольно улыбнулся. Марта была из тех людей, с которыми даже ему было легко. Она не ждала от него подвигов, не оценивала его резерв, не смотрела как на пустое место. Она просто торговала пирожками и была рада его видеть.

— Я слышала, ты к Тайренам завтра идёшь, — сказала она, понизив голос.

— Откуда ты знаешь?

— Твой отец вчера у булочника хвастался заказом. Говорил, кресло — лучшее, что он сделал за последние годы.

Кейлин кивнул. Отец действительно гордился этим креслом.

— Ты поосторожнее там, — сказала Марта. — У Тайренов гости постоянно. И не все гости — приятные люди.

— Что ты имеешь в виду?

— Ничего конкретного. — Она пожала плечами. — Просто слухи ходят. Что лорд Тайрен... ну, ты понимаешь. Служанки у него часто меняются. И не все уходят по своей воле.

Кейлин похолодел. Он вспомнил, что слышал о Тайренах — обрывки, намёки, которые раньше не складывались в картинку.

— Я просто отнесу кресло, — сказал он.

— Вот и хорошо. — Марта улыбнулась и сунула ему в руку тёплый пирожок. — На, подкрепись. За счёт заведения.

Кейлин взял пирожок. Пошёл дальше. У моста через реку остановился и обернулся.

На том конце площади стоял человек. Тот самый — в тёмном плаще, неприметный. Он не смотрел на Кейлина, но стоял ровно на том же месте, что и вчера. Как будто ждал.

Кейлин ускорил шаг.

Весь оставшийся день он помогал отцу заканчивать кресло.

Работа была тонкая: обивка, последние штрихи резьбы, полировка подлокотников. Отец работал молча, сосредоточенно, и Кейлин не мешал ему. Он думал о том, что скажет лорду Тайрену, если тот вообще обратит на него внимание. «Доставка от Орена-краснодеревщика. Распишитесь здесь». Вот и всё. Никаких лишних слов. Никаких взглядов в сторону. Никаких случайных встреч с кем-то, кого не должен видеть.

Так он планировал.

Так должно было быть.

К вечеру кресло было готово.

Отец накрыл его холстиной и отступил на шаг, любуясь работой. Кресло действительно было хорошим — тёмно-зелёный бархат, резные подлокотники, высокая спинка. В таком сидеть — не сидеть, а восседать.

— Завтра с утра отнесёшь, — сказал отец. — Грузчиков

я предупредил. Марко и Пол будут ждать у ворот Тайренов в девять.

— Хорошо, — сказал Кейлин.

Он поужинал. Поднялся в свою комнату. Лёг в кровать. И долго лежал, глядя в потолок, прежде чем уснуть.

Ночью ему снова приснилась пещера.

На этот раз он стоял прямо у входа. Каменный свод нависал над головой, из глубины шёл свет — неровный, пульсирующий, как сердцебиение. Разлом. От одного этого слова вдоль позвоночника будто провели невидимой иглой .

Фигура была там же — высокая, закутанная в крылья-плащ, тёмно-серая, как предрассветный туман. Она стояла у самого входа и смотрела на него.

— Кто ты? — спросил Кейлин.

Она не ответила. Наклонила голову набок — медленно, как птица. А потом подняла руку — длинную, тонкую, с пальцами, которые заканчивались не ногтями, а чем-то, похожим на когти, но мягче, — и указала в темноту пещеры.

— Там? — спросил Кейлин. — Ты хочешь, чтобы я туда пошёл?

Она покачала головой. Не туда. Не сейчас. Скорее — смотри.

Он посмотрел.

И увидел: пещера была не одна. Она была частью сети — коридоры, переходы, подземные залы, которые тянулись на

много миль под пустошью. А в самом сердце этой сети, там, куда не проникал даже пульсирующий свет разлома, что-то двигалось. Что-то огромное. Древнее.

Кейлин проснулся.

Сердце колотилось. За окном было темно — глубокая ночь, луна спряталась за тучами. В соседней комнате тихо дышали родители.

Он сел на кровати, обхватил колени руками и долго сидел так, глядя в темноту. Сон был слишком ярким. Слишком подробным. И главное — он чувствовал, что это не просто сон. Кто-то показывал ему это. Кто-то, кто ждал у пещеры.

«Завтра я иду к Тайренам, — подумал он. — Просто отнесу кресло и уйду. Ничего не случится».

Он лёг, закрыл глаза и пролежал так до рассвета, не в силах уснуть.

Где-то далеко, за городскими стенами, в каменной пещере у разлома, который местные называли Пастью, сидела тварь.

Она не знала, как работает её способность проникать в чужие сны. Знала только, что это возможно — иногда, с некоторыми людьми. С теми, кто ещё не до конца ослеп. С теми, в ком осталась искра.

Она показала ему пещеру. Показала разлом. Показала, что мир больше, чем он думает.

Зачем? Она сама не знала. Может быть, потому что устала быть одна. Может быть, потому что чувствовала: этот чело-

век скоро окажется здесь, и ему нужно знать дорогу.

Или, может быть, просто потому, что ей было любопытно.

Она свернулась клубком на холодном камне, обернула крылья вокруг себя и стала ждать.

До изгнания Кейлина оставалось девять дней.

Глава 8. Кресло

Аристократические дома строятся на тайнах. Чем выше стены, тем больше секретов они скрывают. И тем опаснее случайный свидетель.

— *Из пособия для слуг «Как выжить в доме знатного господина», глава 7*

Утро дня, когда были запущены жернова, которые приведут к событиям на площади Отречения, началось с дождя.

Мелкого, холодного, противного — такого, какой бывает только в конце зимы, когда снег уже сошёл, а весна ещё не решила, наступать ей или подождать. Кейлин стоял у дверей мастерской, и его пальцы сами потянулись к краю истёртого рукава. Он нащупал торчащую нитку и начал судорожно, ритмично дёргать её, разматывая, пока кожа на указательном пальце не покраснела. Он даже не замечал этого. Это был его якорь, единственный способ удержать распадающийся мир в равновесии, когда внутри всё сжималось в холодный, липкий ком страха.

— Не забудь расписку, — сказал отец, вручая ему свёрнутый лист бумаги. — Лорд должен подписать. Без расписки не возвращайся.

— Я помню.

— И вот ещё что... — Отец замялся. — Если лорд пред-

ложит чай — не отказывайся. Это вежливость. Но и не задерживайся.

— Я знаю.

Кейлин уже взялся за дверную ручку, когда голос отца прозвучал снова — тише, почти хрипло:

— Кей.

Он обернулся. Орен стоял у верстака и не смотрел на него. Он смотрел на свои руки — шершавые, в старых шрамах от стамесок, — и Кейлин вдруг понял, что отец не просто даёт наставления. Он собирается сказать что-то важное, но слова даются ему с трудом.

— Я когда-то был молод, — сказал Орен, не поднимая глаз. — И тоже думал, что если не лезть в чужие дела, то ничего не случится. Я ошибся. Меня едва не списали, когда мне было двадцать. Долги. Кредиторы. Гильдия. Я тогда не знал, что такое изгнание, но я знал, что такое быть в шаге от пропасти. Меня вытащил твой дед, — он кивнул в сторону портрета на стене, — отдал последние серебряные, чтобы я выкупил свою лицензию. И я понял: система не прощает ошибок, Кей. Она прощает только тех, кто умеет молчать.

Кейлин стоял, не в силах пошевелиться. Отец никогда не говорил об этом. Никогда.

— Я не хочу, чтобы ты узнал это на своей шкуре, — продолжил Орен, и в его голосе впервые за много лет прорезалась не сталь, а что-то хрупкое, почти уязвимое. — Но если ты увидишь что-то, чего не должен видеть — не смотри. Ес-

ли услышишь — не слушай. Это единственный способ выжить в этом городе. Прости, что говорю это. Но я предпочту, чтобы ты вернулся живым и покорным, чем гордым и мёртвым.

Он поднял глаза, и Кейлин увидел в них ту же муку, что и в собственной груди. Горькое, бессильное знание.

— Иди, — сказал Орен, поворачиваясь к прессу. — И не задерживайся.

Кейлин вышел на улицу. Дождь усилился. Он шёл, сжимая в руке расписку, и слова отца всё ещё звучали в голове: «Система не прощает ошибок. Она прощает только тех, кто умеет молчать».

Он думал о том, что отец никогда не рассказывал эту историю. Ни разу за семнадцать лет. И то, что он рассказал её сейчас, значило больше, чем любые предупреждения.

Грузчики — Марко и Пол — уже ждали у ворот. Оба были мрачны, как и погода: Марко хмурился, Пол зевал. Кресло, укутанное холстиной, стояло на носилках между ними.

— Долго ты, — проворчал Марко.

— Извините.

— Ладно, пошли. Чего мокнуть.

Процессия двинулась по улицам. Дождь усиливался. Холстина намокла и потемнела. Кейлин шагал рядом с грузчиками и думал о том, что кресло — вещь дорогая, и если ткань испортится от сырости, отвечать будет он.

Но думал он и о другом.

О сне. О пещере. О глазах, которые смотрели на него из темноты. О фигуре, закутанной в крылья, которая показала ему подземную сеть, уходящую на много миль вглубь.

«Это просто сон», — сказал он себе.

Но почему-то не верил.

У ворот поместья Тайренов их встретил стражник — тот же, что и в прошлый раз. Он окинул грузчиков ленивым взглядом, Кейлина не удостоил и взгляда.

— Доставка от Орена-краснодеревщика, — сказал Кейлин.

— Ждите.

Ждали минут десять. Дождь не прекращался. Марко ругался сквозь зубы. Пол молчал. Кейлин смотрел на ворота — кованые, с гербом: два грифона, держащие чашу.

Наконец ворота открылись. Вышел дворецкий — тот самый, сухой, прямой, с лицом человека, который видел слишком много доставщиков и слишком мало смысла в жизни.

— Заносите. В парадную залу. Только осторожно — полы мраморные.

Кейлин пропустил грузчиков вперёд и вошёл последним.

Поместье Тайренов изнутри было именно таким, каким он его запомнил: богатым, но безвкусным. Слишком много позолоты. Слишком много гобеленов. Слишком много всего. Пахло воском, старым деревом и чем-то сладковатым — то ли духами, то ли вином.

В парадной зале уже стояли люди.

Лорд Тайрен — румяный, довольный, с перстнями на каждой руке — беседовал с гостем. Гостем был маг в синем плаще с серебряным шитьём — судя по узору, из городских, не из Ордена, но с доступом к хорошему резерву. Рядом с ними стоял человек, которого Кейлин не ожидал увидеть.

Винсент.

— О! — сказал Винсент, заметив его. — Мышка пришла.

СПРАВКА: ВИНСЕНТ КРОЙС *Третий сын дома Кройсов. Аристократ, политический интриган. Около 25 лет. В школе Кейлин давал ему списывать – Винсент запомнил его как «полезного». Теперь он один из организаторов заговора. Подробнее – см. Картоотеку 6.*

Кейлин внутренне сжался. Внешне — поклонился, как учил отец.

— Доставка от Орена-краснодеревщика, — сказал он. — Кресло.

— Вижу, — лорд Тайрен махнул рукой. — Ставьте вон туда, к окну.

СПРАВКА: ЛОРД ТАЙРЕН *Аристократ, член городского совета. Около 50 лет. Контрабандист (неофициально). Использует ритуал изгнания как инструмент устранения свидетелей. Один из организаторов заговора против Кейлина. Подробнее – см. Картоотеку 5.*

Грузчики понесли кресло через залу. Кейлин остался стоять у дверей с распiskой в руке.

— Ты не торопишься? — спросил Винсент, подходя ближе. — Посиди с нами. Лорд как раз рассказывал интересную историю.

— Мне нужно вернуться, — сказал Кейлин. — Отец ждёт.

— Отец подождёт. — Винсент взял его под локоть. Хватка была крепкой, почти до боли. — Посиди. Выпьешь. Ты же не откажешь?

Кейлин посмотрел на лорда Тайрена. Тот смотрел в ответ — без интереса, как на предмет мебели, который почему-то задержался в дверях.

— Хорошо, — сказал Кейлин. — Только недолго.

— Вот и славно. — Винсент потянул его вглубь залы.

Они сели в углу, у маленького столика. Лорд Тайрен и маг остались у камина. Слуга принёс вино — красное, густое, — и Кейлин взял бокал, хотя пить не собирался.

— Значит, — говорил лорд Тайрен, не понижая голоса, — вы утверждаете, что Орден скрывает информацию?

— Не утверждаю, — ответил маг, и в его голосе слышалась осторожность человека, который говорит лишнее, но не может остановиться. — Я лишь предполагаю. Вы знаете, сколько магов работает с субстанцией? Тысячи. И ни один из них не задаётся вопросом, откуда она берётся. Это ненормально.

— Говорят, — вставил Винсент, — что субстанция не бесконечна.

— Кто говорит? — Маг обернулся к нему.

— Разные люди. Те, кто интересуется.

— Те, кто интересуется, обычно плохо заканчивают, — усмехнулся лорд Тайрен. — Вспомните Грегора. Тоже интересовался. И где он теперь?

Кейлин замер с бокалом в руке. Имя резануло слух.

— Грегора убили, — сказал маг. — Это правда. Но убили не за интерес. Убили за то, что он знал.

— И что же он знал?

Маг помолчал, разглядывая огонь в камине.

— Он знал о порталах. О других мирах. О том, что наша реальность — не единственная.

— Сказки, — фыркнул лорд Тайрен.

— Возможно. — Маг пожал плечами. — Но за эти сказки ему заплатили золотом. Тройную цену. А исполнитель — женщина по имени Мор — не берётся за сказки.

Винсент покосился на Кейлина.

— Ты слышал о Мор?

— Нет, — сказал Кейлин. И тут же понял, что соврал неубедительно.

— Врёшь, — сказал Винсент с усмешкой. — Я же говорил: ты всегда был честным, и это твоё проклятие. Ты не умеешь врать. — Он подался вперёд. — Что ты знаешь о Мор?

— Ничего.

— А мне кажется, что-то знаешь. Ты ходил в библиотеку. Ты расспрашивал про Грегора в булочной. Ты интересуешь-

ся.

— Я не интересуюсь. Я просто стоял рядом.

— Ты всегда стоишь рядом, — повторил Винсент свою любимую фразу. — И всегда всё видишь.

Он замолчал. Лорд Тайрен и маг продолжали беседовать, не обращая на них внимания. Кейлин сидел, сжимая бокал, и чувствовал, как внутри нарастает паника.

— Ладно, — сказал Винсент. — Это не моё дело. Но я бы на твоём месте был осторожнее. Ты — маленький человек, Кей. Маленьким людям не стоит лезть в большие дела.

— Я не лезу.

— Вот и не лезь.

Винсент поднялся и отошёл к камину. Кейлин остался один. Сердце колотилось. Он хотел встать и уйти, но дворецкий ещё не принёс расписку, а без расписки возвращаться нельзя — отец будет ругаться.

Он сидел и ждал, глядя в бокал. Вино пахло терпко и тревожно.

Дворецкий всё не шёл.

Кейлин подождал ещё несколько минут, потом не выдержал — встал и вышел в коридор. Может быть, дворецкий забыл. Может быть, расписка уже готова и лежит где-то в кабинете. Может быть, он найдёт слугу и спросит.

Коридор был пуст. Стены увешаны портретами — предки Тайренов, все как один румяные и надменные. Где-то в глу-

бине дома слышались голоса, смех, звон посуды.

В дальнем конце коридора кто-то прошёл, но Кейлин даже не обратил внимания. Он шёл по коридору и думал о том, что скажет отцу. «Я получил расписку. Всё прошло хорошо. Ничего не случилось».

Он завернул за угол и услышал крик.

Короткий. Женский. И сразу — тишина.

Кейлин замер. Инстинкт, который он оттачивал годами, требовал одного: не двигайся. Не смотри. Не лезь. Ты здесь никто, и это не твоё дело.

Но тело — глупое, бестолковое тело — уже шагнуло в сторону звука.

Приоткрытая дверь. Щель. В щели видно, что лорд Тайрен — как он оказался здесь, он же был у камина минуту назад? — прижимает к стене молоденькую служанку. Её лицо белое, глаза затравленные. Его рука — у неё на горле. Не душил, нет. Просто держит. Просто показывает, кто здесь хозяин.

— Ты меня поняла? — говорит лорд Тайрен тихо, почти ласково.

Служанка кивает. Губы дрожат.

— Вот и умница. А теперь — иди. И помни: если расскажешь кому-нибудь, я узнаю.

Он отпускает её. Она выскальзывается из комнаты, пробегает мимо Кейлина — и замирает на секунду, встретив его взгляд. В её глазах страх. Не за себя, нет, а за него, за неволь-

ного свидетеля, которого не должно было быть здесь. Окинув его испуганным взглядом, она устремляется в конец коридора,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.